

«Мой принцип — достать вас до печенок»

Дмитрий Крымов о том, как разобрать постановки на винтики

ОДИН из самых неординарных российских театральных режиссеров недавно вернулся из Америки, где произвел фурор, поставив Чехова со студентами Йеля. Сейчас работает над «Бесприданницей» в родной «Школе драматического искусства» и собирается снимать свой первый фильм. Мы поговорили с Дмитрием Крымовым о русской и американской ментальности, об ужасе и сострадании, принципах режиссерского диктата и будущих киносъемках.

— Дмитрий Анатольевич, лето вы провели в Америке, ставили «Трех сестер» в Йельском университете.

— Сначала речь шла не о постановке, а о мастер-классе. Я всегда отказываюсь от таких предложений, во всяком случае, отказывался. Мастер-класс, на мой взгляд, это немножко профанация. Но меня позвала лучшая театральная школа Америки. Я где-то читал, по-моему у Лобанова, — он, когда пришел в ГИТИС, сказал студентам: «Я буду с вами работать как с актерами, а если вы что-то захотите спросить, спрашивайте. У вас будет такая привилегия». И я подумал: какая хорошая идея. Работай себе, а не объясняй, какие способы якобы помогают тебе в работе. Мне сразу стало легче.

— Что скажете о работе с американскими артистами?

— О, это удивительное впечатление. Я в шутку и не в шутку всем говорю, что работал с молодыми Джулией Робертс, Мерил Стрип и Робертом Де Ниро. Они и есть через несколько лет: те, на кого мы будем смотреть в кино. Удивительное качество людей и актеров. Актеров как людей или людей как актеров. И дело даже не столько в том, чему их учат, сколько в том, как они к этому относятся, как кидаются в задания.

— Разве ваши актеры так не делают?

— Пошли коварные вопросы. (Улыбается.) Я не хочу сравнивать. Конечно, что-то там, безусловно, лучше. Но надо забыть про свои амбиции и попытаться перенять опыт. Понимаете, это другой уровень работы. Как в медицине. Меня спрашивают: ты не любишь наших врачей? Нет, я их люблю, у меня многие друзья — врачи. Но когда обращаешься к ним, понимаешь: хороший врач сам по себе, а система, точнее, ее отсутствие — сама по себе. И это уже не говоря о том, что нет ваты, бинтов и нужных лекарств. Так же и с театрами. В Америке работает система. И это великое дело.

— А было что-то, что вам не понравилось?

— Мы все, принадлежащие к популяции пингвинов, живущих на айсберге под названием «наша страна», страшно амбициозны. Мы не хотим ничего знать, не хотим учиться. Вы мне задаете один вопрос, подразумевая другой — где лучше? В Нью-Йорке или в Москве? Их нельзя сравнивать! Жить я хочу в Москве, я здесь и живу. Но Нью-Йорк совер-

шенно потрясающий город. Или Париж. В Москве нет собора Парижской Богоматери, а там есть — и нет полицейских, которые оцепляют народные праздники.

— В спектакле американцы стали вашими соавторами, как ваши ребята здесь, в ШДИ?

— Сначала — нет, они ведь не знали такой формы работы. Для них актер — это солдат. Солдат не может быть соавтором. Уже ближе к концу я сам попросил их помощи. Для меня проблема заключалась в следующем: вроде все слушаются, вроде даже все получается, но каким-то от всего этого веет холодом. Я не знал, как с этим справиться. Начал с ними разговаривать очень серьезно. И вдруг как плотина прорвалась, как будто они подумали: «А-а-а, так вот как можно, вот чего он хочет, так давай, мы можем». Это было замечательно! Кончилось практически братанием. Хотя все равно они — эдакий актерский спецназ. А здесь у меня семья, ставшие родными за десять лет работы люди. Невозможно сравнивать.

— Йельскую постановку можно будет где-то увидеть?

— В Америке другая система. Спектакль показывают пять раз, и все. Но в Йеле нашу декорацию не выкинули, а сложили в сарайчик в надежде, что спектакль куда-то будет ездить. Это уникальный случай. Между театром-бизнесом и обучением в Йельском университете — стена. Там червь не пролезет. Но наш спектакль их, видимо, тронул. Может быть, его судьба еще продолжится.

— Это правда, что «Три сестры» обгрызают тему восприятия России американцами?

— Нет, дело не в этом, а в том, как актер входит в свою роль. В данном случае — как американский актер входит в роль русского интеллигента. В последнее время я люблю показывать изнанку театра: вот ничего не было и вдруг из ниоткуда возникло что-то. Поэтому лучшая декорация для меня — пустота. Наш спектакль про то, как компания молодых йельских студентов решила попробовать сыграть Чехова. Один раз попробовали — вошли в роль и вышли, получилось, другой раз — тоже, а в третий — вошли и не вышли, не вышли и погибли там. Это и есть финал: искусство, которое затягивает. Театр — волшебное место, с ним трудно

шутить. Но хочется. А язык... Язык вторичен. Мы все одинаковые, с похожими проблемами. И то, что русско-американский театр возможен, было для меня открытием. Я понял, почему я вообще там оказался, и в этом был другой смысл, кроме как поставить спектакль. Очень одухотворяющее чувство.

— Дмитрий Анатольевич, а что насчет кино? Вы действительно собираетесь снимать фильм?

— Я долго говорил «нет», но потом оказалось, что это «да». Да, я хочу снять фильм. Что это будет и о чем — не скажу.

— А финансирование?

— Я не стану его искать, сниму бесплатно. Сделали же мы первый спектакль, «Недосказки», без всяких вложений. Меня завораживает киноязык. Я хочу попытаться на нем разговаривать. Вообще, я ленивый, никак не могу английский до конца выучить, но здесь отступать некуда. Уже написал сценарий.

— Будете снимать своих актеров?

— Да, но они еще об этом не знают. (Улыбается.) Так хотят в кино сниматься, что, наверное, не откажут.

— Вернемся к театру. Премьерой этого сезона объявлена «Бесприданница». Почему снова Островский? (В прошлом сезоне Крымов получил «Золотую маску» за спектакль «О-й. Поздняя любовь».)

— Помните пьесу? Именно «Бесприданница»? Это о гнилых капиталистах, о том, как они смотрят на женщину. Как сально, похозяйски. Только она оказывается очень норовистая, ее так просто не возьмешь. Вот это скромное обаяние буржуазии, только русской и провинциальной, я и хочу показать. Это продолжение темы исследования русского народного характера. Островский — потрясающий драматург. У него очень хорошие диалоги, они звенят. Что еще важно: его пьесы — зеркало. В этом зеркале видно, как мы выглядим, как не любим друг друга, как любим деньги, как верны и как предаем, как хотим лучшей жизни и как ничего для этого не делаем. Как мы циничны, как унижаемся, как нас унижают. Как мы вообще живем. Островский очень много написал про русского человека. Про его суть, которая, в общем-то, мало изменилась.

— Этот спектакль будет бессловесный или все-таки там поведет слово?

ТЕАТР — ЭТО
ЕДИНСТВЕННОЕ
МЕСТО,

где я чувствую себя
в своей тарелке